

ГЛАВА 1

— Ну что там? — Снежок, как обычно, не выдержал первым.

Макс и ухом не повел — прикипел глазами к окулярам, уставился вдаль, замер, будто статуя. Сейчас как никогда важна концентрация: бинокль далеко не пушинка — трудно удерживать подолгу и при этом не шевелить руками. Картинка дрожит, расплывается — удаленные объекты рассмотреть очень трудно. Можно, конечно, присесть, использовать выставленное колено в качестве упора. Но при этом уменьшится высота наблюдателя, что в некоторых случаях критично.

Сейчас от Макса требовалось найти водный путь, по которому можно провести лодку. В окружающем хаосе чуть притопленных рифов и нагромождений грибовидных скал задача нетривиальная. Слишком близко они подобрались к Большому острову — здесь придется на совесть постараться, если вдруг захочешь по пояс в воду зайти. Проводить наблюдение с низкой точки бесполезно — известняковые преграды сливаются в сплошную стену, окружающую со всех сторон. Надо занимать самые возвышенные места и, вытягиваясь на цыпочки, всматриваться до боли в глазах, изучая окрестный лабиринт.

— Ну что там видно?! — опять не утерпел белобрысый подросток.

Макс, оторвавшись от бинокля, тихо произнес:

— Чайки.

— Ну и что?! Ты чаек никогда не видел?!

— Они кружатся над одним местом. Их много.

Снежок моментально взлетел на вершину и, потеснив Макса, устоялся в том же направлении:

— И правда чайки. Они же рядом совсем — и без бинокля видно. Макс: ты зачем так долго на них в бинокль смотришь?!

— Мне не чайки нужны, а свободная вода. Или тебе нравится лодку на руках носить?

Туча, предававшийся безделью в тени скалы, лениво заметил:

— Чайки стаяй просто так не налетают. Там что-то пожрать есть.

— Посмотрим?! — мгновенно загорелся Снежок.

Макс, еще раз прикинув маршрут, кивнул:

— Надо сходить. Туда по мели можно лодку дотащить, а потом разведать, что дальше будет.

— Опять тащить? — чуть не всплакнул Туча. — Может, подождем прилива?

— Если мы будем двигаться только во время высшей точки прилива, то и за неделю до острова не доберемся, — заметила Дина, в компании с Бродягой, Болтуном и Летчиком оставшаяся в лодке.

— Мы и без прилива за неделю не справимся, — вздохнул Туча. — И так уже забрались сами не знаем куда — будто пустыня.

Макс ничего не стал на это отвечать — товарищ прав. Экспедиция, поначалу продвигавшаяся с завидным темпом и без лишних усилий, внезапно застопорилась наглухо — дорогу преградило то самое мелководье, в котором они сейчас пытались отыскать проход.

Второй день продвигались вдоль «стены», но она так и оставалась непреодолимой. Попытки углубиться на восток, пользуясь малейшими намеками на водные тропы, неизбежно заканчивались тупиками. Хуже всего, что лодку часто приходилось перетаскивать вручную. Хоть и легкая — почти целиком из бамбуковых шестов и полос, — но неудобная. К тому же велик риск повредить тонкое днище — надежда на подвязываемые бруски невелика.

Макс был готов отдать десять лет жизни за подробную карту местности или хотя бы снимок с самолета. Без них,

похоже, ему придется таскаться не один месяц по этой нестерпимой жаре, запивая сушеную до состояния доски рыбу почти горячей морской водой — на сплошном мелководье солнце доводило ее чуть ли не до кипения.

Семь человек — больше в лодку не набить. Сам Макс, его необычный «хвостик» Дина, давний мелкий товарищ Снежок, Туча — с ним доводилось ходить в поход к поселку Люца, Бродяга — оригинал, прицепившийся к островитянам после разгрома гарнизона готов и захвата «Челленджера», Летчик — шестнадцатилетний паренек, ничем особым себя до сих пор не проявивший, но вроде работающий, и Болтун — крепкий юноша лет девятнадцати. С последним даже непонятнее, чем с Бродягой: один из парней, пришедший со Старостой, причем кличка у него явно для смеха дана — редкостный молчун. Что говорить, если даже имени его никто до сих пор не сумел выведать.

Странная компания — сборная солянка. И маловато для серьезной экспедиции на остров. Но два ружья и револьвер давали хороший шанс отбиться даже от большой шайки диксов, а забредать в болота к ящерам не планировалось. Припасы позволяли продержаться не более десяти дней, причем три из них уже прошли.

А острова все нет и нет.

Чаек и бакланов могло привлечь лишь одно — пища. На этот раз это оказался труп. Раздетый по пояс мужчина неопределенного возраста: кожа подозрительно светлая, выдающая новичка, предплечья и босые ступни в пятнах и полосах ожогов от ядовитых кораллов, обожающих хорошо прогреваемые мелководья, лицо уже уродливо расклевано.

Несмотря на то что самому старшему из присутствующих было не больше двадцати пяти, а младшему и четырнадцати не исполнилось, зрелище никого не ужаснуло. Лишь Дина не стала участвовать в осмотре тела, но и не косилась осуждающе — деловито описывала круги по прилегающей территории, причем небезуспешно: нашла зацепившуюся за кораллы белую рубашку.

Туча, выворачивая карманы брюк, довольно заметил:
— Свеженький. Почти не воняет.

— Наверное, буй близко, — предположил Макс, наблюдая за процессом сбора трофеев.

Все стандартно: бумажник с мелочью, кредитками, дисконтами, мокрыми купюрами; связка ключей; отдельно автомобильный с брелоком сигнализации; пухлая визитница; носовой платок и какие-то скользкие бумажки.

— Телефона нет, — нахмурился Туча.

— Гопники за гаражами отстегнули, — хохотнул Бродяга и, присев перед телом, задрал покойнику верхнюю губу: — Похоже, дядька не дожил до превращения в дикса.

— От кораллов умер? Сильно пожгло? — догадался Снежок.

— Можно сказать и так. Язык у него на весь рот раздуло. На серьезную колючку наступил, наверное. Яд.

— Точно! — вскинулся Туча. — У него обуви нет! Где она? Динка! Ты его боты не находила?!

— Нет. Только рубашка здесь. И все.

— Жаль. Дальше потащимся или назад вернемся? Как достало эту лодку таскать... Эй! Макс! Это я тебя спросил! Ты же у нас главный!

Макс, карабкаясь на скалу, пробурчал:

— Не видишь, чем я занят? Осмотрюсь — потом скажу.

Вид, открывшийся с вершины, на первый взгляд был столь же бесперспективным, как и прежде. Но Макс не опустил рук — вновь припав к биноклю, начал изучать все, что было доступно взору. На востоке, увы, намеков на проход не оказалось. Там все еще хуже, чем за спиной: сплошная коралловая щетка и хаос скальных гряд. Путь к Большому перекрыт наглухо. Но плох тот разведчик, который ограничивается одним направлением. Медленно поворачиваясь по часовой стрелке, продолжил осмотр. Местами замечал зеркала глубокой воды, но они были невелики и стиснуты препятствиями со всех сторон.

Уже совсем было отчаялся, решив, что придется тащить опостылевшую лодку назад, как вдруг среди монотонного хаоса рифовых мелей и серых низких скал увидел нечто принципиально новое. Далеко — плохо просматривается, но прикрыто подозрительно высокой грядой, что обнадеживает.

— Увидел воду? — не утерпел Снежок.

— Мальчик, да тут везде вода, — хохотнул Бродяга, хлопнув по морской глади, сверкавшей в считанных сантиметрах от коралловой щетки.

— Я о нормальной воде спросил, а не о горячей луже!

— Чует сердце — придется тащить лодку назад, — вздохнул Туча. — Ты как, Летчик? Не жалеешь еще, что добровольно на эту каторгу вызвался?

Летчик, с треском оторвав затуманенный взгляд от стройных ножек Дины, ответил невпопад:

— Я тоже пить хочу.

— Там протока. — Макс счел нужным порадовать товарищей.

— Где?! — вскинулся Снежок. — Там?! Но нам ведь в другую сторону.

Мальчуган был прав: протока просматривалась на северо-западе, а Большой остров должен быть где-то на востоке или даже на юго-востоке — слишком далеко они забрали к северу, двигаясь вдоль преграды вот уже второй день.

— Это первая серьезная вода, которую мы здесь встретили. Я уверен, что пропустить проход никак не могли — все ведь внимательно осматривали. Значит, на юге его вообще нет. Но может быть другой путь с северной стороны, к той самой широкой протоке, о которой Бродяга рассказывал.

— Не протока, а пролив, — уточнил тот.

— Пусть будет пролив — какая нам разница. Отсюда плохо видно, но эта протока, похоже, тянется на северо-восток. Возможно, она где-то там с ним соединяется.

— И толку? — не понял Туча. — Мы все равно потом по своим следам не сможем протащить корабли — их на руках не унесешь.

— Поменяем тактику. Будем обследовать протоки — искать нормальный путь, а не бродить по мелководьям. Расселина, на которой стоит наш буй, тянется на север. И восточная расселина туда же тянется. Может, они как-то связаны с этой или с тем проливом. Надо на серьезной воде дорогу искать — зря мы вообще сюда полезли.

— И далеко до этой протоки? — заранее мрачней, уточнил Туча.

— Не очень. Надеюсь, в последний раз таскать придется.

Вздыхнув, Туча оставил труп в покое, подошел к лодке, взялся за веревочную петлю:

— Ну что, бурлаки? Последний решительный рывок?

Опыт — великая вещь: по отдельным просматриваемым пятнам открытой воды и зубчатой стене высокой рифовой гряды Макс по аналогии с уже виденным сделал далеко идущие выводы. И не ошибся.

Все как обычно: полоса морской глади шириной метров семьдесят в самом узком месте, и до сотни-полутора или даже чуть больше в широком. Берега каменные, высокие, скалы на них почти белые от птичьего помета — серьезного дождя давно не было, а пернатые любят эти богатые рыбой проходы в рифовом поле.

Единственное новшество — это оказалась тупиковая расселина. Экспедиция вышла как раз к ее окончанию: почти идеально круглой заводи диаметром метров сто пятьдесят. Почти точно в центре покачивался торец металлического цилиндра, увенчанный длинным узким конусом. Больше ничего заслуживающего внимания в этой местности не было.

— Буй! — Снежок сообщил то, что и без него было очевидно. — Тот мужик, наверное, отсюда пришел!

— Если так, то слишком быстро скопытился — не успел толком отойти. Вряд ли отсюда, — предположил Туча и довольно добавил: — Глубокая расселина — то, что нам надо.

— А где ты видел мелкие? — хмыкнул Бродяга, спускаясь к воде.

Макс последовал за ним, с наслаждением намочив голову. Вода была не холодной, но все равно несравнимо лучше того почти горячего компота, в который ее нагревало на мелких местах. А уж про сковородки скальных выступов из рыхлого, крошащегося в коралловый песок и крошку камня не хочется даже вспоминать.

— Про этот буй небось никто не знает, — с намеком заметил Снежок.

— Так не бывает. — Макс покачал головой. — Если он рабочий, то люди здесь часто появляются.

— Я не о том. Здесь ведь невозможно выжить. Только в расселине еда, но там с голыми руками делать нечего, а на мелях ничего хорошего нет, кроме колючек: слишком жарко. И пресной воды нет. Кто попал — тот пропал. Я вообще-то о том, что если тут барахло падало, то никто его унести не мог.

Макс, поднявшись, оценил темную синь разверзавшейся под ногами глубины и спросил:

— Хочешь понырять?

— Не. Ты что. Тут метров тридцать, если не больше.

— Значит, умываемся и в лодку. Пойдем на веслах... наконец.

— А берега обшарить? Никто ведь не живет здесь — плавающее добро могло на камни выбрасывать волнами.

— Некогда нам. И так кучу времени убили.

Дина, прижав ладонь ко лбу козырьком, уставилась на воду и неуверенно произнесла:

— Там, на буге, тряпка какая-то. А может, и нет. Плохо видно.

Макс, подняв бинокль, убедился, что она права:

— Да. Что-то красное из-за конуса выглядывает. Ладно, давайте туда сплываем, а затем уже по расселине пойдем.

Никто, разумеется, не возразил: всем было интересно, да и не стоит спорить с командиром без серьезного повода.

То, что издали казалось бесформенной тряпкой, оказалось зимней курткой. Детский пуховик красного цвета. Ветром его не сдуло чудом — он ни на чем не держался, но при этом было понятно, что лежит здесь далеко не первый день.

Туча без сантиментов обшарил карманы, добыв магнитный ключ с желтым пластмассовым поросенком-брелоком и непечатую пачку разноцветных леденцов. Последняя находка его обрадовала — закинув один в рот, начал делиться с остальными. Дина, не обращая на него внимания, взяла отложенную курточку, встряхнула, осмотрела со всех сторон, еле слышно заметила:

— На ребенка. Маленький совсем... был.

— Ага, — кивнул Туча. — Утоп, наверное, — мелкие почти всегда тонут. Непонятно только, почему куртка здесь оказалась. Динка, хочешь конфетку?

Та, посмотрев на него с нескрываемой неприязнью, начала сворачивать трофей, так и не притронувшись к угощению.

Лодка была судовым имуществом «Челленджера». На корабле их вообще-то было две: одну таскали на буксире, применяя для поисковых работ, вторая болталась у борта на всякий случай. Вот именно ее и прихватили — без этой скорлупки команда Пикара легко проживет. Удобная: есть возможность ходить на двух парах весел, минимальный вес и приличная грузоподъемность. Но без минусов не обошлось: корпус слишком хлипкий. Приходится беречь от ударов и очень страшно столкнуться с хищницей вроде пропавшей Анфисы — такая громадина может наделать проблем при попытке тарана. Поэтому пока двое гребли, остальные посматривали на воду, стараясь не прозевать появления угрожающей тени. На этот случай они не будут беззащитными: Бродяга, Туча, Летчик и Болтун вооружены копьями с металлическими наконечниками — трофеи, доставшиеся от готов, — а у Дины и Макса по гранате из затонувшего вертолета. Даже в глубине опасным обитателям расселины не укрыться от взрыва, а если поднимутся на поверхность, их можно будет обстрелять из ружей и револьвера.

Главное — не прозевать.

Поначалу плыть было весело — контраст с прежним черепашным темпом продвижения был разительным. Но вскоре однообразие обстановки наскучило: все те же загаженные птицами скалы на берегах и непроглядная синь глубоких вод расселины. Если верить компасу, она тянулась почти точно на северо-восток, и пока что Макса это устраивало. Хотя этот курс, скорее всего, уводит их от острова, но, если Бродяга прав, остается надежда найти путь к проливу, а уже по нему легко доберутся до Большого.

Вот только верить Бродяге полностью невозможно — он ведь временами не вполне адекватен... Макс поехался, вспоминая, сколько споров ему пришлось выдержать, что-

бы экспедиция состоялась. Если он не найдет водного пути к Большому и не убедится, что там все соответствует словам чудака, — лучше не возвращаться. Второй шанс ему, может, и дадут, но нескоро — народ все силы пустил на укрепление поселка и подходов к нему, а также на новые методы добычи продовольствия: те, которым научили бывшие подданные Люца, и те, что стали доступны после получения трофеев из вертолета. Макса все, конечно, уважали и мнение его ценили, но он был лишь одним из нескольких человек, имевших право голоса на совете, и далеко не все с ним соглашались. Олег даже предлагал ему прекратить этот балаган, устроив монархический переворот. Себя, само собой, он видел не иначе как в роли царя всех островов, а товарищу обещал почетный титул верховного водолаза.

Говорил вроде в шутку, но было в его словах что-то заманчивое...

Одно хорошо в этих расселинах: они почти ровные, идут без разветвлений, и для продвижения по ним много ума не нужно — знай себе плыви вдоль понравившегося берега.

Через пару часов пути экспедиция столкнулась с сюрпризом: расселина решила резко изменить обыкновению.

Их протока пересекалась с такой же, протянувшейся с юго-востока на северо-запад. На перекрестке болтался буй, ничем не отличающийся от других. Так же глубоко и такое же почти полное отсутствие волнения.

Макс, изучив открывшуюся картину, спросил:

— Кто-нибудь хоть раз видел, чтобы расселины разветвлялись или пересекались?

— За поселком Люца разветвляется, — ответила Дина.

— Первый раз сталкиваюсь с таким...

— Куда плыть будем? — весело уточнил Бродяга.

Макс, почти не раздумывая, указал на новую дорогу:

— Пойдем туда — к юго-востоку. Это, по-моему, в сторону Большого. Или вообще неизвестно куда...

— Не уверен? Я, если честно, тоже запутался. А Динка права — протоки часто разветвляются, просто вы на своем острове жизни не знали.

— Я тоже запутался. По направлениям сужу и времени.

— Жалеешь небось, что навигаторы здесь не продаются?

— И не говори... Давайте поворачивайте, а потом на ходу перекусим — время обеда.

Туча, набивая рот, заметил:

— За пару часов мы уже два буя встретили. Если это не совпадение, то, похоже, их тут очень много. А где много буев, там и диксов полно. Как ночевать будем? В лодке тесновато, на скалах страшновато.

— Вечером видно будет, — ответил Макс, приканчивая последнюю рыбешку.

Рыба была мелкая и беспощадно высушенная. Ее на удочки ловили дети в заливе протоки неподалеку от поселкового буя — при некоторой усидчивости за день можно было натаскать несколько килограммов. На солнце пеке она превращалась в дерево за считанные часы. Эн надеялся, что ее не возьмет ни плесень, ни гниль, — можно смело брать в дальние экспедиции. Хорошо бы заставить самого Эна питаться ею утром, в обед и вечером. Последних моллюсков съели на завтрак, не дав испортиться, — теперь осталась лишь эта колючая гадость и два десятка кокосов. Очень сильно хотелось добраться до Большого, хотя бы ради пополнения запаса орехов. Помимо еды это и вкусное питье — вода в бамбуковых и пластиковых сосудах, несмотря на все ухищрения, нагревалась будто в чайнике.

Новая расселина внешне ничем не отличалась от старой — все те же скалы берегов и глубина вод. Рыбы здесь, похоже, водилось больше — несколько раз замечали приличные вытянутые тела, проносящиеся возле поверхности. Однажды слева от лодки промелькнула крупная акула — не меньше трех метров. Интересна, к счастью, не проявила, да и не настолько велика, чтобы всерьез ее опасаться.

Через все те же два часа, будто по расписанию, вышли ко второму перекрестку. А вот здесь оказалось гораздо интереснее.

— Я же говорил! Говорил! — Бродяга чуть ли не плясал, раскачивая лодку бешеной жестикуляцией. — Вот он! Пролет! Все как говорил вам! Эх! Не верили!

Если откровенно, то все было не так просто, как он рас-

сказывал. Поначалу заметили новую расселину по правому берегу — она ничем не отличалась от увиденных ранее. Но когда, направляясь к ней, вышли из-за мыска, опешили: впереди открывалось обширное водное пространство. Ничего подобного Макс здесь никогда не видел и поначалу даже решил, что лодка достигла открытого океана. Но почти сразу уменьшил масштабы открытия: не океан и не море, скорее похоже на залив.

Естественно, обследовать новую расселину никто и не подумал — гребцы без приказов продолжили путь, спеша побыстрее попасть на большую воду. Когда приблизились к устью, правота Бродяги стала почти очевидной: действительно подобие широкого пролива — не меньше километра от берега до берега. Но вышли они к его южной оконечности: здесь он разделялся на несколько протоков, расходившихся в стороны растопыренной птичьей лапой.

Хотя почему пролив? Пролив ведь не может заканчиваться тупиком. Фьорд? Нет — Макс помнил, что у фьордов скалистые высокие берега, а не еле выглядывающие коралловые недоразумения.

Ладно, нечего голову ломать географическими тонкостями. Пусть будет проливом.

Покрутив головой, Макс обернулся к Бродяге:

— Это тупик — пролив уходит на север, а на юг не тянется. Ты уверен, что мы на месте?

— Абсолютно. Я здесь был. Точнее, почти здесь — во-о-о-о-о-он по той протоке подходил, на лодке, вместе с бронзовыми людьми.

— Но ты говорил, что пролив подходит к берегу.

— Разве? Ты меня неправильно понял. Не волнуйся, Макс, мы не заблудились. Если свернуть в ту протоку, то часа через два-три подойдем к острову. А может, в ту...

— Так в какую?!

— Я уже сам путаюсь — давненько здесь не был. И если честно — всего-то один раз и был.

— Смотрите! Там тоже буй! — воскликнул Снежок.

Действительно, у дальнего берега пролива темнел вытянутый конус. Никто даже не заикнулся стонять туда для

осмотра — волна на большой воде разгулялась приличная, и легкую лодку даже в устье протоки болтало нещадно.

— Многовато здесь буев, — буркнул Туча, и на этом обсуждение открытия исчерпалось.

Бродяга, несмотря на все усилия, так и не смог вспомнить, какая же из двух проток ведет к побережью Большого. В итоге бросили жребий, использовав одну из найденных монет. Судьба указала на устье дальней расселины, и, поспешно пройдя по волнующейся большой воде, направились в нее.

Не прошло и часа, как развернулись обратно, немного не добравшись до крошечного острова, поросшего кустарником. Бродяга уверял, что ничего подобного возле «его» расселины не было.

Вернувшись к оконечности пролива, направились в протоку, которую жребий забраковал. Макс у же смертельно надоело блуждание по этому лабиринту, и он поклялся себе, что приложит все силы, чтобы выбить лодки и людей для составления хотя бы примитивной карты этого хаоса расселин, скал и нескончаемых коралловых отмелей.

Приблизительно через час пути впереди показалась зеленая вершина холма. Из присутствующих на Большом бывали не все, но те, кто имел такой опыт, удивились. Снежок первый озвучил общую мысль:

— Холм один, а на Большом их было два! Это не тот остров!

— Не бойся, карапуз, тот, — ухмыльнулся Бродяга и пояснил: — Вы с другой стороны ходили, а отсюда холмы сливаются, тем более издали, вот и кажется, что один. Направление другое — на одной линии они. Сами-то в отдалении друг от друга: между ними самое мокрое место на острове — сплошные озера и болота. Если поторопимся, через часик будем на берегу.

— Расселина до самой суши идет? — уточнил Макс.

— Не совсем — обрывается тупиком где-то за полкилометра, если не больше. Дальше мелководье песчаное, но лодка до самого пляжа должна пройти.

— Думаю, надо оставаться здесь до утра. Опасно ноче-

вать на берегу — туда как раз в сумерках доберемся, если не в темноте.

— Ты же сам говорил, что там теперь нечего бояться.

— Мало ли что я говорил! Место незнакомое. Опасно соваться ночью. И вообще — был там всего один раз, и без приключений не обошлись.

— Так это была опасная часть острова — возле болот.

— Без разницы.

— На рифы высадимся? — спросил Туча.

— Нет! — встрепенулась Дина. — Вы видели, сколько здесь буев? Даже если диксы действительно не любят остров, то в окрестностях их должно быть немало.

— У нас оружие есть — отобьемся.

Макс не стал отказываться от своего решения:

— Дина права — опасные места. Ночуем на воде. Если полезут к лодке, будем уходить на веслах — не догонят. Патроны нам брать негде, а тратить их на диксов глупо. Их сколько ни стреляй — не переведутся.

Короткая высадка на берег, разминка, ужин всухомятку все той же опостылевшей рыбой и остатками кокосов — затем назад, на воду. Якорь уложили на далеко выступающий мыс с таким расчетом, чтобы при необходимости можно было сдернуть его сильным рывком. Затем кое-как разместились в лодке, теснясь, всю ночь пихая соседей, просыпаясь от малейшего шороха, не доверяя бдительности дозорных.

Но все тревоги оказались ложными — ночь выдалась на диво спокойной.

ГЛАВА 2

Может, Бродяга и псих, но ошибается нечасто. Все оказалось как рассказывал: протока закончилась за полкилометра до берега — ее будто обрезало. Только что под днищем синела глубина, и вдруг показалось дно — веслом можно достать до песка.

И еще здесь были корабли: два пузатых угловатых одномачтовых парусника, вытасенных на мелководье. Оснаст-

ка выглядела непривычной, грубой, паруса, что неудивительно, отсутствовали.

Отец Тучи увлекался рыбной ловлей, и у него имелась резиновая лодка. Исходя из этой информации, сына в свое время привлекли к походу к поселку Люца на правах специалиста, отчего он возгордился — начал считать себя бывалым мореходом, знающим о кораблях если не все, то очень многое. Вот и сейчас не смолчал:

— Бриги примитивные. На таких даже в пруду страшно плавать.

— Корабль ходит, а плавает кое-что другое — при Дине не скажу что, — ответил на это Бродяга. — Ты бы еще чайными клиперами такие корыта назвал... бриги... Скорее нефы простенькие. Вон тот, что подальше, совсем никакой — ремонтировать надо серьезно. Отсюда не видно, но там в носу пробоина, кое-как залатанная. Даже не знаю, как его дотащить сумели — они ведь без меня сюда пришли. А ближний — хоть сейчас в море. Наверное, на нем и собирались уходить, но не успели.

— Посмотрим?! — взмолился Снежок.

— Обязательно, — кивнул Макс. — Только не забывайте поглядывать по сторонам... мало ли что.

Корабль килем врос в песчаное дно, с двух сторон были отданы якоря на толстенных грубых канатах. Когда подплыли к одному из них, удивились прочности переплетенных тонких волокон — несмотря на долгий срок пребывания в морской воде, они оставались в идеальном состоянии. Только наверху выступило уродливое кольцо соли — на высшей отметке прилива.

Подергав канат, Макс решил воспользоваться этой лазейкой: другого пути на палубу не наблюдалось.

— Я наверх, а вы наготове сидите — глаз с окрестностей не сводите.

Сжимая в зубах охотничий нож, Макс поднялся повыше, ухватился за планшир¹, подтянулся, изучил открывшуюся картину. Никто его здесь не поджидал: голые доски па-

¹ Брус поверх фальшборта.

лубы, запачканные птичьим пометом; наметенный ветром сор по всем углам; тишина и спокойствие.

Забравшись наверх, спрятал нож, сообщил товарищам:

— Пусто. Никого и ничего. Тишина.

— А чего ты ждал? Торжественной встречи? — удивился Бродяга.

— Не знаю... Схожу загляну вниз.

Быстрый осмотр корабельных помещений богатых находок не принес. Макс бегло обследовал две каюты на высокой корме и в носу да трюм, залитый водой. Ни груза, ни мебели, ни других ценностей нет. Вздрогнув от нетерпеливого стука по корпусу, вернулся на палубу, крикнул:

— Что случилось?

— Да ничего, — ответил Туча. — Ты пропал и молчишь.

— Я занят был — трюм осматривал.

— И что там?

— Да ничего. Пусто здесь. Только паруса и канаты в каюте нашел, да весла большие в трюме на стенах висят.

— Наверное, все ценное в город утащили, — предположил Бродяга.

— Может, и так. Воды в трюме полно — корпус где-то протекает.

— Да? Раньше вроде не было. Плохо. Может, кораллы как-нибудь проточили или какие-нибудь рачки? Или просто из-за дождей натекло.

— Не знаю. Давайте лодку здесь оставим. Туча, ты с Болтуном и Летчиком при ней будешь. Заберитесь на палубу — отсюда обзор лучше и устроиться можно удобно. Когда мы отойдем от берега, рацию включите и ждите, что скажем.

— А если диксы покажутся?

— Наверх им трудно будет забраться. Если что — одно ружье тебе оставим.

— Так мы в город пойдем? — нетерпеливо уточнил Бродяга.

— Как получится — мы еще до острова не добрались.

Шагая по мелководью, Макс, всматриваясь в береговые заросли, думал не об опасностях острова, а о том, как будет возвращаться. Непрерывный водный путь к проливу так и

не найден, а без него экспедиция теряет смысл — никто не захочет переселяться сюда ценой брошенных трофейных кораблей. И это правильно: один «Челленджер» способен со временем превратить их общину в самую сильную на рифах. Чтобы его повторить, потребуется потратить время и силы, которых у них нет, — проекты такого масштаба доступны лишь готам с их колоссальными по местным меркам ресурсами и населением.

Та расселина... встреченная на первом перекрестке. Они тогда свернули направо. А что, если налево тянется тот самый путь к нужной протоке? Это придется проверять. Но, вспоминая вчерашние блуждания, он морщился от одной мысли насчет повторения. Надо хоть на скорлупе кокосовой нацарапать их путь, чтобы не запутаться самим. И если дальше будет такой же лабиринт, то быстро его не пройти. И вообще — не факт, что это верный путь.

Нетерпеливый Снежок, первым выбравшись на берег, помчался к ближайшей пальме, схватил крупный кокос, поднял над головой:

— Вот! Валяются! И много! Если кокосы валяются, то диксов, наверное, нет. Они бы их съели. Они всегда съедают все, что на земле валяется.

— От нас не отбегай, — приказал Макс.

— Да знаю я — недалеко ведь, у всех на виду.

— Когда я был здесь в последний раз, диксы бегали толпами, — равнодушно произнес Бродяга, сворачивая вокруг пальмы ременную петлю. Начав карабкаться наверх, добавил: — Хотя вы, наверное, ничему из того, что говорю, не верите.

Макс не успел ответить чудаку — тот забрался слишком высоко, а повышать голос не хотелось.

Сверху один за другим упало несколько недозрелых кокосов. Молниеносно спустившись, Бродяга поднял один из них, бамбуковым шилом проколол две дырочки на следах от черенка, присосался с подчеркнuto блаженным видом.

— Мы тебе верим, — наконец произнесла Дина.

Бродяга, протянув ей второй кокос, улыбнулся:

— Ты, может, и веришь, а другие за психа считают.

— Ты и есть псих, — без улыбки сказал Макс. — Но все равно верим, иначе нас бы здесь не было.

— Не-э-э-эт! Мы здесь потому, что ты упрям как осел. Пока на своем не настоишь, не успокоишься. А по поводу доверия: оружия мне так и не дали.

В этом Бродяга был прав: ружья у Макса и Тучи, револьвер у Дины. А ведь этот парень самый старший из них.

— Ну извини. Сам понимать должен: ты бродишь где хочешь, нигде подолгу не задерживаясь. Сегодня с нами, а завтра где будешь? Кто же тебе даст ружье или нож? Ты не свой, ты — чужак. И никогда не будешь своим при таком характере.

— Откуда знаешь?

— Да все знают — не зря тебя Бродягой прозвали.

— Верно. Но знаешь ли — возраст начинает давить на пятки. Решил вот остепениться. Примете?

— Не знаю. Посмотрим. Лично я не против. Лишь бы ты опять не подался искать непонятно что.

— То, что я ишу, — было на этом острове. Сейчас нет, но мало ли... Если вы сюда переселитесь, то я с вами. Держи кокос — я сегодня не жадный.

Макс, пробивая отверстие кончиком ножа, поинтересовался:

— А правда, что ты влюбился в портрет царицы бронзовых людей?

— Враки, — как-то неубедительно ответил Бродяга.

— Но портрет есть?

— Есть...

— Покажешь?

— Может, для начала дойдем до города? Он вообще-то там. Или ты решил прямо под этой пальмой поселиться?!

— Да нет. Просто если нами кто-то заинтересовался, то должен показаться — попробовать напасть. Лучше, чтобы это здесь произошло, а не в зарослях.

— Дикс бы давно напал, а ящеров здесь нет.

— Уверен?

— Теперь я ни в чем не уверен. Давно здесь не был.

Максу уже доводилось бывать на Большом острове, но гораздо южнее. Там полоса пляжа была гораздо скром-

нее — кустарники вплотную подступали к ожерелью пальм. Здесь простора больше, но это не радует — если кто-то засядет в зарослях, обзор у него выйдет великолепным.

Сами кусты оказались похожими на те, что росли южнее, — на вид ничем не отличались. Но вот невысокие пальмы, встречающиеся на небольшом удалении от береговой полосы чуть ли не на каждом шагу, незнакомы. Вообще не похожи на кокосовые или на те, которые растут возле болота. Стволы формой будто бутылки, кроны куцы, листья какие-то чахлые, грязные на вид.

На вопрос Макса Бродяга ответил четко:

— Эти пальмы ни на что не годятся — нет в них ничего съедобного. А вот те, что возле подножия холма растут, — очень полезны. Наверху там что-то вроде фиников, только не такие сладкие, и косточки съедобные — как орешки длинные. И сок можно собирать — свежий пить приятно, а перебродивший с ног валит. И еще скорлупу от косточек лекарь варил подолгу и отвар раненым давал.

— Зачем?

— Не знаю. Наверное, чтобы вылечились. Видишь вон те высокие пальмы?

— Которые тройкой растут?

— Ага. Вот если в ту сторону пойти, там будет полным-полно совсем мелких пальм — ствола почти нет, будто комнатные карлики. Бронзовые люди листья собирали, вырезали сердцевину, сушили, дробили и что-то вроде каши варили. На вкус ничего, особенно если приправить водорослями. Но лучше мясом свинок или ящеров: вообще вкуснотища.

— А где тот бой был, в котором бронзовых людей поубивали?

— Так мы по местам этого боя как раз идем — кратчайшая дорога от кораблей к городу.

— Не вижу я никаких следов боя.

— Макс, времени много прошло. Что ты хотел увидеть? Ржавый танк на бетонном постаменте и табличку «Слава героям»?

— Должно же хоть что-нибудь остаться.

— Если хочешь, поищем в траве, среди кустов. Наверня-

ка не все кости диксы растащили, да и вещи должны быть. Только заросли густые, а нас мало. Уверен, что хочешь целый день убить, собирая здесь рухлядь? Учти — я ведь не знаю, где и кто погибал. Даже место, где, наверное, сундуки остались, не запомнил. Уж прости — не до того было. Бежать пришлось сломя голову, не оглядываясь.

— Ладно, потом найдем. Если все хорошо будет, обыщем заросли. С такой работой даже дети справятся.

Через сотню шагов слева показались остатки хлипкой бамбуковой изгороди. Бродяга пояснил:

— Там чуть дальше озерцо выкопано, из которого воду для полива брали.

— А сами огороды где?

— У подножия холма, чуть дальше. Хочешь проверить?

— Если время будет — обязательно. Вдруг там что-нибудь сохранилось.

— Так давай чуть в сторону повернем, чтобы прямо по их краю пройти, — заодно и посмотришь.

— Это нас не задержит?

— Нет. Тропа все равно заросла, и разницы нет, где шагать.

— Тогда давай.

Снежок, ухитрявшийся пошевелить глазами и ушами повсюду, вдруг нагнулся, поднял плоскую темную палку, удивленно замер:

— Ух ты!

Бродяга, мгновенно все поняв, довольно произнес:

— Вот и первый привет после того боя.

В руках мальчишки был короткий грубый меч. Толстое лезвие, простенькая крестовина, растрескавшиеся деревянные накладки на рукояти. Металл потемнел, местами покрылся зеленью.

— Бронза, — догадался Макс.

— Ага. Она самая. Я у них, кроме нее, ничего не видел. То есть видел, конечно: олово, медь, золото и серебро. Но железных вещей не было. Думаю, они его не умеют получать или в их землях оно не встречается.

— Поищем еще?! — умоляюще произнес Снежок.

— Некогда — нас не для поиска кладов сюда послали, — остудил его Макс.

Вскоре прошли через остатки еще одной изгороди, и Бродяга объявил:

— Это была граница огородов. Ты хотел их посмотреть — так смотри.

Недоверчиво оглянувшись, Макс не заметил ни малейших следов земледельческой деятельности. Разве что деревьев и больших кустов нет. Трава обычная, рыхлая почва, усыпанная белыми осколками ракушек, крошечная ящерка умчалась из-под ног — ничего примечательного. Ну и листья мелких пальм повсюду лезут — спешат занять освободившееся место.

Дина молча отошла в сторону, присела перед одним из таких «пальмовых зародышей», зачем-то потрогала основание. Достав нож, осторожно раздвинула колючки, что-то подрезала, продемонстрировала находку, улыбнувшись, пояснила:

— Вот. Это вкусно. Только кисло немного.

— Ананас! — обрадовался Снежок.

Макс, оглядевшись, только сейчас разглядел крупные шишки на таких же колючих кустиках. Не сказать, чтобы здесь разрослась ананасовая чаща, но ценных фруктов хватало.

— Дин, а семена у него есть? Как сажать?

— Можно без семян: верхушки с плодов укоренять или побеги.

— Ага, — кивнул Бродяга. — У меня дома сестра так делала. Про ананасы я и забыл, а они сохранились — не засохли. Но раньше их гораздо больше было.

— А бананы здесь тоже есть? — спросил Снежок.

— Не ел ни разу и не видел. Наверное, нет. А может, не в сезон попал — ведь всех огородов я тогда не рассмотрел.

Дина, после находки ананасов потерявшая к ним всякий интерес, прошла чуть дальше, опять склонилась, что-то разглядывая. Затем, достав нож, покопалась в земле, вытащила удлинненный толстый корень, очистила от земли.

Заинтересовавшись ее находкой, все подошли ближе. Снежок спросил:

— А это что? Тоже вкусно?

— Этот корень они постоянно ели, — кивнул Бродяга.

— Так вкусно или нет?

— Вкусно. Особенно печеный. Почти картошка, только сладковатый. Даже похож на нее — такой же клубень, но длинный очень.

— Ух ты! Запечем?! Макс?!

— Будет время — запечем. Только так, чтобы нас холм прикрывал, иначе на юге дым увидят. Туда ведь часто экспедиции ходят.

Бродяга хохотнул, покачал головой:

— Макс, ты не обращал внимания, что на южном холме постоянно туман стоит? Да и на северном местами.

— Нет. Не помню. Я туда почти не смотрел.

— Трубы там выходят, только из них вместо воды пар хлещет. Такие и здесь попадаются, но там их вообще прорва. Хоть кочегарку строй — никто со стороны ничего не подумает. Дым белый — поди издали его от пара отличи. Да сейчас чуть поднимемся, и сам сверху оценишь.

Бродяга и здесь оказался прав. Когда миновали зону нижних огородов и добрались до первой террасы, открылась прекрасная панорама: можно было разглядеть южный холм, болота и озера между холмами, влажные леса вокруг них. Действительно тут и там на склонах поднимались клубы пара, местами образуя сплошную кисельную пелену, сквозь которую мало что можно было разглядеть. Костер, даже если не один, вряд ли на этом фоне будет выделяться чем-то необычным. Да и по своему опыту Макс помнил, что в экспедициях нет дела до любования далекими пейзажами — все внимание устремлено на ближайшие заросли, из которых в любой момент может показаться смерть.

Помимо ананасов и съедобных клубней на огородах нашли несколько тыквенных плетей с некрупными плодами. На террасе должна была протягиваться вторая зона полей, но Бродяга, увидев, что ирригационный канал давно пересох, отчаялся, предложив здесь не задерживаться. Однако все оказалось не безнадежно: на ходу заметили несколько стеблей растения, напоминавшего просо. Хотя спорно — в

зерновых из присутствующих никто не разбирался. Но одно несомненно — это съедобно и некогда выращивалось бронзовыми людьми.

Весьма вероятно, что если поискать, то можно найти еще немало выживших культурных растений, но особого смысла в этом Макс не видел — и без того понятно, что они здесь есть, но задача экспедиции не в их изучении или сборе. Вот когда переселятся, тогда и займутся, а сейчас надо быстро пробежаться по вершкам и вернуться с докладом, предварительно разыскав путь для кораблей. Поэтому ни на этой террасе, ни на двух верхних задерживаться не стали. Лишь остановились ненадолго у первой встреченной трубы, из которой вырывался поток хрустально-чистой воды. Она оказалась не настолько уж противно теплой, как рассказывал Бродяга, — даже слегка прохладной в жаркий день, и по вкусу приближалась к божественному нектару. Пресная, вкусная — жажду утоляла прекрасно.

Сама труба выглядела безобразно. Кривая, покрыта вмятинами, край рваный. Такое впечатление, будто от нее кто-то кусочек отщипнул в давние времена. Никогда раньше Макс не доводилось видеть здешние металлические конструкции в столь плачевном состоянии.

Четвертой террасы у холма не было — до самого верха шел плавный подъем, а вершину обрезала плоская вершина. Именно там должен стоять обещанный город бронзовых людей.

ГЛАВА 3

Бродяга и здесь не обманул, хотя до конца откровенен тоже не был. То, что он называл городом, скорее попадало под определение деревни или поселка. Ник, которого не взяли в проводники по причине травмы, заработанной бою с готами, рассказывал, что здесь все было странным — ничем не похожим на обычное. Макс был склонен с ним согласиться — одного взгляда хватило, чтобы понять: строители этого покинутого селения были людьми своеобразными, или, скорее, откровенно чужими.

Прежде всего бросалась в глаза стена. Она была сложена из блоков рыхлого кораллового известняка, но форма у них была не стандартно-прямоугольная, а самая разнообразная: будто пазлы собирали. На первый взгляд невозможно найти пару одинаковых камней — у каждого найдутся отличия от соседей, причем значительные. Тем удивительнее, что зазоров не наблюдалось: кладка выглядела монолитной. Если где и проглядывала щель, то в нее разве что лезвие узкого ножа можно попробовать просунуть.

И при этом ни малейших следов раствора — ничем не загаженная поверхность отборного кораллового известняка. Как ни странно, стена держится прекрасно — не видно обрушившихся или перекосившихся участков. Если бы не выющиеся растения, облюбовавшие ее на всем протяжении и местами полностью скрывавшие от глаз, можно было подумать, что возвели ее вчера или максимум на прошлой неделе. Даже упавшая высокая пальма не произвела серьезных разрушений — так и лежала, опираясь на почти неповрежденный гребень.

С домами все обстояло несколько проще — их выстроили из дерева и бамбука. Лишь один, самый большой, был частично каменным: возвышался в центре, удивляя все теми же многоугольными блоками. Сама архитектура, мягко говоря, тоже необычна. В одном и том же строении гармонично сосуществовали ломаные и скругленные углы. А еще в изобилии наблюдались наклоненные в разные стороны стены, широкие, будто сомбреро, крыши, частое использование покоящихся на столбах выдающихся элементов, из-за чего вторые этажи по площади, как правило, превосходили первые. Трехэтажных и больше строений не было, но можно не сомневаться — и там бы картина не изменилась.

— Что курил местный архитектор? — «по-взрослому» решил выразиться Снежок, когда перебирались через стену по той самой поваленной пальме.

— Бродяга, они тут случайно коноплю не выращивали? — охотно подержал его Макс.

— Нет. От меня такого не скрыть — узнал бы обязательно.

— Ясно. Значит, курили бамбук. Надо и самому попробовать — вдруг тоже так чудить начну. Как они вообще при-

думали такое строить? Это сколько труда потребовалось. И не лень же было так фантазировать.

Снежок, спрыгнув вниз, тут же умчался на поиски приключений. И почти сразу закричал из-за угла:

— Тут котел! Огромный! Похоже, из бронзы! И горшков несколько! Да тут столько всего!!! Ребята, живем!!!

Город напоминал пещеру Али-Бабы, лопнувшую в результате переполнения сокровищами. Керамическая и деревянная посуда; ажурная, но крепкая плетеная мебель — от кроватей до шкафов и сундуков; одежда — как простецки грубая, так и тонкая шелковая; медное и бронзовое оружие; инструменты; огромные бочки и маленькие аккуратные бочонки; мешки с поточенным грызунами содержимым — лишь соль сохранилась; сети, костяные и металлические рыболовные принадлежности; множество корзин; тесаные доски в мастерской; склад, забитый сухим бамбуком и древесиной.

Если поначалу все громко обсуждали каждую находку, то затем стали вести себя скромнее. Богатства города бронзовых людей были столь неисчислимы, что начали утомлять. Не могло быть и речи о вывозе всего добра лодками — проще переселиться сюда самим, если удастся найти водный путь. Здесь столько всего полезного и незаменимого, что можно неплохо прожить даже без сокровищ, поднятых с вертолета.

Самое необычное обнаружилось в пристройке главного здания: все помещение было завалено вещами земного происхождения. Одежда, обувь, мобильные телефоны, женские сумки, пластиковые пакеты, зонтики, бумажники, ключи — обычный набор жертв светляков. Бродяга пояснил, что сюда стаскивали предметы, найденные у диксов. Эту рухлядь потом подолгу разглядывали жрецы, видимо пытаясь понять, с чем имеют дело: изучали нового врага.

Здесь пересмотрели все, но ничего сверхполезного не нашли. Наибольший интерес представляла пара перочинных ножей и ноутбук, который не удалось запустить, но не факт, что он нерабочий: механических повреждений и проступившей соли от морской воды не видно. Возможно, просто аккумулятор разрядился — ведь со всеми телефона-

ми такая же история, а многие, попав сюда, догадывались их выключать.

Пресыщенные находками, в главное здание зашли утомленно-умиротворенными. Это оказался храм, столь же диковинный, как и все остальное. Стены выкрашены красными разводами — с виду небрежными, но в целом они образовывали гармоничный узор, выверенный до мельчайших деталей. Повсюду развешаны тонкие бронзовые цепи — если собрать все, наверное, не меньше пары сотен метров получится. С потолка свисают конические светильники на тех же бронзовых цепях, посреди помещения тройной камень алтаря, похожий на олимпийский пьедестал.

Бродяга, не обращая ни на что внимания, подошел к дальней стене, попросил:

— Не стойте в проходе — свет заслоняете.

Макс, послушавшись, вошел внутрь, приблизился, уставился туда же. Среди цепей и красных разводов на стене выделялась подчеркнуто неровная клякса серой штукатурки, поверх которой была нанесена небольшая фреска — портрет молодой женщины в головном уборе из разноцветных перьев. Судя по плечам, «попавшим в кадр», и основная одежда была сделана из того же необычного материала.

— Это та царица, в которую ты влюбился? — спросил Снежок.

— Не влюблялся я ни в кого, — замороженно ответил Бродяга. — Но ты сам посмотри — это точно царица.

Макс мысленно согласился: лицо горделивое, в нем велика доля чего-то хищного, орлиного, но странным образом его не портящего, — женщина и впрямь недурна собой, хотя и не в его вкусе. Ему не нравятся высокие лица и строгая холодность.

— Ты ее видел? — не отставал Снежок.

— Нет. У бронзовых людей не было женщин.

— Они что — молились на этот портрет?

— Нет. Я не знаю, зачем он здесь. Я пытался расспросить жреца о том, почему у них нет женщин. Он, думаю, понял, о чем я говорю, и привел сюда. Показал портрет, что-то долго рассказывал, пытался объяснить знаками. Но

я ничего не понял. Вообще ничего. Думаю — это не икона. Это портрет живой женщины. Она где-то есть... или была.

— Может, и так — на икону и правда непохоже. А что это за шум? Будто потрескивает что-то.

Бродяга молча развернулся, подошел к алтарю, уперся в его край, надавил. Камень на удивление легко поддался, с легким скрипом проехал немного, резко остановившись. На том месте, где он стоял, открылось идеально круглое отверстие диаметром около полуметра — из глубины его вырывалось бледное прерывистое свечение и доносился щеко-кочущий нервы треск.

— Не бойтесь — подходите. Только не свалитесь туда: хана сразу.

Макс, еще не дойдя, начал догадываться, что увидит. Он только теперь понял, что в помещении сильно пахнет грозой — возможно, велика концентрация озона. Неудивительно: взору открылись внутренности трубы, уходящей вертикально вниз. Меж ее зеркально отсвечивающих поверхностей густо проскакивали искры электрических разрядов — именно они создавали тот шум, который привлек внимание мальчика.

— Что это? — как под гипнозом произнес Снежок.

— Понятия не имею, — честно ответил Бродяга.

— Наверное, они этой штуке поклонялись, раз она у них под алтарем, — предположил Макс.

Снежок, быстро реагирующий на все новое и так же быстро остывающий, предложил:

— Подумаешь — искры. От нашего штаба-холодильника гораздо больше пользы. Давайте обобщем эту церковь — вон здесь сколько дверей.

Предложение было дельным, но ничего принципиально нового не обнаружилось. Все те же вещи, что и в других домах. Хотя, возможно, самое ценное утащили в таинственных сундуках. Но сейчас не время заниматься их поисками — заросли, в которых валяется так много полезного, надо обшаривать вдумчиво, большим количеством народа.

Утомленные от всего увиденного, вышли наружу. В мире, где нет ни телевизоров, ни компьютеров, ни даже газет с журналами, плотность информационного потока, прохо-

дящего через мозг, резко падает. Сегодня они получили месячную норму, если не больше, — неудивительно, что с непривычки апатия накатывает. Каждый пытается переварить информацию, разложить по полочкам, не забыть ничего — ведь по прибытии их засыплют вопросами. Макс направился к дальней стене, остальные бездумно пошли следом. Даже неугомонный Снежок при этом помалкивал — выдохся.

Лишь когда Макс вскарабкался на стену и достал из футляра бинокль, мальчишка не выдержал:

— Ты что хочешь делать?

— Если Ник не ошибался, то где-то ниже по склону должен быть тот самый летчик с парашютом.

— Какой летчик? — не понял Бродяга.

— Когда мы были в экспедиции, на нас напал ящер. Ник убежал в лес, долго бродил и нашел погибшего летчика. Тот катапультировался и почему-то умер. Висел на дереве сидя в кресле — парашют за ветки зацепился.

— Быть такого не может.

— Почему?

— При катапультировании пилота действительно выбрасывает вместе с креслом-катапультией. Но потом оно отделяется и вниз он уже летит без него, на легком парашюте.

— А вдруг он с малой высоты катапультировался и оно не успело отделиться?

— Я, конечно, мало понимаю, но очень сомневаюсь. Может, пацан напутал? Или наврал?

— Нет — Ник хоть и мелкий, но не пустозвон. Что видел, то и передал. С городом ведь не напутал ничего — все так и оказалось.

— Думаешь парашют этот высмотреть сверху?

— Ага.

— Ну попробуй. Вид отсюда и правда хороший. Лишь бы его пар не закрывал.

— Про пар Ник ничего не рассказывал, — произнес Снежок, тоже уставившись вниз.

— Стена низкая, — неожиданно произнесла Дина.

— И что с того? — не понял Бродяга.

— Они строили ее не от врагов.